

10.15. ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА НА ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И УПРАВ- ЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ

Фейзба М.Я., аспирантка Российской академии
государственной службы при Президенте РФ

Автор исходит из того, что исследования социального капитала в России во многом ориентированы на поиск источников или препятствий формирования адекватных существующему периоду развития экономики организационно-управленческих и экономических отношений. Препятствия на этом пути связывают с отсутствием или неразвитостью тех форм гражданской активности, сплоченности и взаимодействия субъектов хозяйствования на территории, которые типичны для обществ с развитым демократическим строем.

В статье анализируется опыт становления социального капитала и развития социальных сетей в советский и переходный периоды. В настоящее время, по мнению автора, сложились два разных вида объединений граждан: социальные сети взаимопомощи и социальные сети предпринимателей.

В заключение автор настаивает, что при принятии значимых мер в экономической области необходимо учитывать специфический характер социально-экономических представлений и ответных реакций хозяйствующих субъектов в регионах и муниципальных образованиях. При этом экономическая реальность, которой нужно руководствоваться при принятии решений, существенно отклоняется от формально действующих законоположений и представляет собой совокупность явлений, процессов и взаимосвязей, возникающих «автономно» от правового регулирования. Такая реальность и формирует побудительные мотивы и содержание деятельности хозяйствующих субъектов, нацеленных на экономическое развитие территории.

Исследования социального капитала в России во многом ориентированы на поиск источников или препятствий формирования адекватных существующему периоду развития экономики организационно-управленческих и экономических отношений. Особенно это касается управления экономическим развитием регионов и муниципальных образований. Препятствия на этом пути, в свою очередь, связывают с отсутствием либо неразвитостью тех форм гражданской активности, сплоченности и взаимодействия субъектов хозяйствования на территории, которые типичны для обществ с развитым демократическим строем.

Демократическому объединению общества должны служить прочные межличностные связи, организационные формы участия в общественной деятельности и положительное отношение к гражданской активности. Однако, по мнению некоторых зарубежных специалистов¹, в России, как и в других посткоммунистических странах, гражданские традиции крайне слабы.

Вместе с тем позиции исследователей по данному вопросу далеко не однозначны. Так, отмечается существование у славянских народов целого ряда традиций и обычаев, свидетельствующих о высоком уровне социального капитала. Однако, анализируя развитие социальных сетей в дореволюционной России, можно говорить, что не во всех социальных сетях присутствовал социальный капитал как таковой. Так, сельские жители охотно оказывали помощь односельчанам, выходили на совместную работу. Хотя формально такая работа не предусматривала никакой оплаты, в том числе и денежного вознаграждения, каждый знал, что в случае какой-либо беды он может рассчитывать на аналогичную неоплачиваемую помощь со стороны каждого из односельчан. В данном случае

можно говорить только о социальных сетях взаимопомощи, ведь взаимодействия между членами группы сети предусматривают только эквивалентные отношения обмена. Отсутствует основное свойство капитала – присвоить прибавочную стоимость.

В предпринимательских социальных сетях дореволюционной России социальный капитал не только присутствовал, но и достиг высшей формы своего проявления, когда годами формируемые неформальные нормы поведения были закреплены во вполне определенном документе, а именно в «Принципах ведения дела». Особо следует отметить, что это был гласный документ, подразумевающий публичное выражение годами сформированных и оформленных неформальных норм. Хотя этот документ и не имел юридической силы и не предусматривал каких-либо формальных мер наказания за его несоблюдение, все старались ему следовать. Объяснить это можно тем, что в случае несоблюдения «Принципов ведения дел» купец автоматически мог попроситься со своим бизнесом, так как его контрагенты старались больше не вести с ним дел. В результате действовало два закона: юридический, с формальными санкциями, и второй, более жестко регламентирующий экономическую деятельность, – неформальный, созданный и принятый самими предпринимателями в процессе осознанной совместной деятельности по улучшению условий взаимодействия друг с другом.

В последующем, в течение XX века, как полагают исследователи В.В. Радаев и О.И. Шкаратан, имела место «прогрессирующая атомизация общества. В результате уничтожения частной собственности и огосударствления основных социальных институтов были деформированы многие социально значимые независимые горизонтальные связи между индивидуальными субъектами, а также все действительно добровольные негосударственные общественные, хозяйственные и политические организации, способные открыто защищать интересы своих членов. По крайней мере, публичное выражение таких частных интересов становится невозможным»².

С этим утверждением трудно не согласиться. Ведь значительная часть неформальных объединений людей, действительно независимых общественных организаций, способных сформировать и защищать интересы своих членов (если, конечно, эти интересы странным образом не совпадали с интересами государства) осуждалась, и только незначительная доля таких объединений находила поддержку властей. Социальные сети, подобные предпринимательским сетям дореволюционной России, были вытеснены из планового хозяйства.

Но это не означает, что общественных объединений не было совсем. Уничтожая отдельные инициативные группы, государство, тем не менее, поддерживало создание различных общественных объединений, интересы которых не могли противоречить политике государства. Примечательно, что такие объединения находили поддержку среди населения, и люди с энтузиазмом участвовали в различных мероприятиях, проводимых этими организациями. Такое поведение людей можно объяснить тем, что существовал большой запас доверия населения действующей власти.

Можно утверждать, что полное огосударствление экономики привело к снижению рыночных элементов до недопустимо низкого уровня. Плановая экономика просто не предусматривала, да и не могла предусмотреть, в необходимом размере ряд достаточно востребованных населением услуг. Следовательно, возник «черный рынок», бартер, то есть элементы рыночной экономики внутри

¹ Newton K. Social Capital and Democracy, American Behavioral Scientist, 1997 Vol. 40, No. 5 (March / April).

² Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. – М.: Наука. 1995. – С. 199.

планового хозяйства. Естественно, что государство запрещало любые формы подобного взаимодействия.

В данной ситуации люди, предлагающие свои услуги на рынке, имеют очень высокие транзакционные издержки, связанные с проверкой контрагента. И, следовательно, они либо вообще не будут оказывать свои услуги сторонним людям, либо включают эти издержки в цену. В таком случае цена услуг окажется очень высокой и сделка, скорее всего, не произойдет. Социальный капитал как раз решает данную проблему. Когда индивид, предоставляющий услуги, знает, что покупатель «добропорядочен», он не будет включать в цену услуги излишние издержки на проверку покупателя.

Так как издержки проверки контрагента, как правило, очень высоки, становится ясно, что продавец не будет предоставлять услуги сторонним людям. Следовательно, можно говорить, что социальный капитал являлся как бы пропуском к официально запрещенному рынку услуг. Аналогично функционировал и рынок товаров, где действующими лицами были различные спекулянты и люди, имеющие доступ к данному рынку благодаря своему социальному капиталу.

Особо следует отметить, что социальный капитал снижал как транзакционные издержки по проверке контрагента, так и сопутствующие информационные издержки. Действительно, поскольку элементы рыночной экономики, подобные описанным выше, были запрещены в плановой экономике, других источников информации, кроме как информации, полученной из выстроенной индивидом социальной сети, не было и не могло быть.

В результате в советском обществе выстраивались социальные сети, призванные компенсировать недостающие при плановом хозяйстве элементы рыночной экономики. Примечательно, что время от времени государство позволяло гражданам создавать элементы рыночного хозяйства, негосударственные хозяйственные формы, – и даже иногда поощряло их, предоставляя этим формам определенную степень свободы. Так появились колхозы, садоводческие товарищества, потребительская кооперация, ЖСК (жилищно-строительные кооперативы). Государство разрешало даже и неформальные отношения, точнее, не запрещало их. Строительство в колхозах, например, проводилось практически в основном силами «шабашников», допускалось развитие производственных (несельскохозяйственных) промыслов в колхозах и т.п. Пользуясь подобными временными разрешениями, индивиды выстраивали новые деловые социальные сети, строя взаимоотношения с контрагентами на основе личных связей.

Эти связи использовались для снижения транзакционных издержек позже, когда государство запрещало ранее разрешенные хозяйственные формы и отношения. Так, в 1960 г. была ликвидирована промысловая кооперация, существовавшая до этого длительный период еще со времен НЭПа и выполнявшая важные хозяйственные функции по обеспечению страны товарами народного потребления³. Постоянно проводился перевод колхозов в государственные предприятия – совхозы. Периодически осуществлялись акции по притеснению личного подсобного хозяйства и т.п. Но эти официальные запреты, хотя и подрывали подобную экономическую деятельность, но полностью остановить ее уже не могли. Объяснение этому факту в том, что уже налаженные экономические взаимоотношения, вся цепочка от производства до сбыта, благодаря выстроенным социальным сетям, накопленному социальному капиталу, переходила в область неформальных, личностных отношений.

³ Смешанное общество: российский вариант. – М.: Наука, 1999. – С. 190.

У плановой экономики была и другая проблема – высокий уровень бюрократизации хозяйственной деятельности. В хорошем смысле этого слова бюрократизация означала установление рациональных способов управления обществом и экономикой. Однако в реальности получилось ровно наоборот. Бюрократия стала ассоциироваться прежде всего с понятиями «статус», «иерархия», «субординация», началась «погоня за должностями», что сопровождалось взяточничеством и блатом.

Блат представлял из себя некую форму обмена товаров и услуг, предоставляемых на основе личных отношений, людям, включенным в определенную социальную сеть. Блат означал некую практику использования социального капитала для получения доступа к общественным ресурсам: товарам, услугам, источникам дохода (образование, рабочие места, должности и т.д.) и привилегиям в обход формальных процедур, регулирующих доступ к этим ресурсам.

«Блат как использование личных контактов (каналов, сетей) для получения доступа к общественным ресурсам и привилегиям был знаком в России не понаслышке»⁴. Н.П. Евдокимова-Динелло пишет, что «не деньги, а отношения между людьми служили основной советской «валютой»⁵. Фактически немонетарные отношения охватывали весь спектр социальной жизни – от получения продуктов до политического патронажа.

В период перестройки экономическая жизнь страны все дальше и дальше выходила за рамки официально дозволенного, нарушая многие остающиеся еще законными или формально провозглашенными регламентации. В России в переходный период, когда роль денег неизмеримо увеличилась, ситуация, по сути, не изменилась: «без социального капитала, т.е. взаимного доверия между вовлеченными в предприятие людьми, прояснения взаимных ожиданий и обязательств, а также согласия следовать определенным нормам поведения, было практически невозможно поступить на работу в банк или обеспечить его успешную деятельность... И это все в ситуации, когда в силу слабости законодательства и правовых органов формальная надежность [была] недостижима»⁶. Существенно, что опора на друзей, коллег и знакомых в России основана на доверии, исходящем из личного знания этих людей.

Теперь не удивительно, что огромную роль в период перехода экономики России к рыночным отношениям приобрел социальный капитал, сформированный в советской бюрократической системе. Таким образом, уже имеющиеся заделы доверия стали весомым капиталом в новых условиях. Прежние связи номенклатурных времен переросли в корпоративные интересы. Можно утверждать, что трудно переоценить роль социального капитала на этапе перехода от плановой экономики к рыночной в развитии предпринимательской активности, хотя также следует утверждать, что нельзя считать эту роль социального капитала положительной, особенно если смотреть на нее с точки зрения всего общества.

Ведь действительно, именно социальный капитал, занявший лидирующее положение среди других видов капитала в переходной экономике России, помог кардинальным образом перераспределить ресурсы среди «старой гвардии», помогая им основывать банки, предприятия, консультативные фирмы и т.д., акционировать и приватизировать наиболее экономически значимые государственные предприятия. Именно благодаря социальному капиталу им была доступна необходимая информация о

⁴ Леденева А. Блат и рынок: трансформация блата в постсоветском обществе // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. – М.: Логос, 1999. – С. 111.

⁵ Евдокимова-Динелло Н.П. Капитал и российские банкиры // Социологические исследования. – 2000. – № 2. – С. 78-79.

⁶ Там же.

рынке, об инвестиционных проектах, предложенных зарубежными партнерами, региональная статистика, не говоря уже о взаимной моральной и материальной поддержке.

Существенно изменилось и значение блата как формы социального капитала по мере перехода к монетаристским отношениям. При переходе к денежным отношениям блат как форма социального капитала все чаще стал приобретать формы взяточничества, переходить из неформальной экономики в криминальную. «...Происходит сращивание бизнеса и государственных чиновников, растет коррупция, происходит лоббирование интересов отдельных предпринимателей. Результат: часть предпринимателей получает льготные условия деятельности в области налогообложения, распределения капитала и доступа к сырьевым ресурсам. Наносится вред здоровой конкуренции, дискредитируется государственный аппарат, разворовывается государственная собственность, наносится вред доходной части бюджета. Все это ведет к тому, что государство утрачивает контроль над экономическими процессами в стране»⁷.

Однако блат – это не единственная форма социального капитала в России переходного периода. Велика роль социального капитала и во взаимоотношениях только что сформировавшегося, неокрепшего бизнеса на раннем периоде реформирования экономики. Особо интересна роль личных контактов во взаимоотношениях малого бизнеса и банков.

Личное доверие становилось заменяющей процедурой, необходимым гарантом выдачи кредита. В постсоветской России существовала сильная неформальная связь между друзьями, родственниками и другими близкими людьми. Степень доверия к политической и социальной жизни была гораздо ниже. Область контактов с нужными людьми передавалась по наследству; число лиц, имеющих доступ к патрону, расширялось достаточно медленно. Даже самым надежным людям доверяли не при всех обстоятельствах. Результат доверия сложно прогнозировать, поскольку оно относится к ожиданиям по поводу того, как личность будет вести себя в будущем и в непредвиденных обстоятельствах. Поэтому доверие всегда ограничено, следовательно, новые связи лучше строить на основе «старых». Из этого не следует, что новые связи вообще не могут быть созданы, просто на это требуется гораздо больше времени, и риски существенно повышаются.

При решении проблем люди гораздо больше надеются на поддержку неформального социального капитала, чем на формальные государственные институты. Так, в неокрепшей экономике отношения между рыночными агентами складываются не просто в виде отношений между фирмами, а скорее в виде отношений между представителями этих фирм. Личностные отношения имеют большее значение, особенно при принятии ключевых решений. Отсюда напрашивается вывод, что связи обуславливают не только круг деловых партнеров, но и круг тех, кого можно быстро включить в эту категорию, а в конечном итоге, связи отчасти обуславливают развитие экономики в целом.

Ненадежность партнеров заставляет расходовать дополнительные средства на безопасность и разведку, сужает круг тех, с кем можно иметь дело, до хороших знакомых. Происходит формирование «черных списков» фирм, которые имеют репутацию «несолидных», с которыми не рекомендуется сотрудничать. Деловые сети становятся каналами распространения информации о неблагонадежных партнерах и инструментом построения деловой репутации.

Войти в сложившуюся группу, обладающую социальным капиталом, достаточно тяжело, а в зависимости от уровня

бизнеса, рода деятельности, крайне сложно. Нужны личные рекомендации, опыт работы, способность оказания определенного сорта услуг или наличия нужной информации, «связей» и прочее. «Сейчас очень важно иметь постоянных партнеров... Теперь мы все ходим без визиток, потому что мы ни с кем уже не знакомимся. А если и знакомимся, то нас знакомят люди, чья репутация ни в ком не вызывает сомнений... Круг не то, что замкнулся, но он расширяется очень медленно... Ты уже не можешь появиться в бизнесе из ниоткуда, тебе никто ничего не даст»⁸.

При отсутствии доверия для осуществления любой транзакции любому участнику хозяйственной деятельности приходится создавать своего рода группу людей, постоянное взаимодействие с которыми позволяет обеспечить устойчивое функционирование бизнеса. Включение же в такую группу дает ряд преимуществ – поддержка в виде получения дополнительных услуг, льгот, кредитов, в том числе и на нерыночных условиях.

Главной же целью создания групп является уменьшение нестабильности и максимальное снижение рисков. Такие неформальные объединения – это своего рода локальные сети защиты бизнесменов от дополнительных, незапланированных транзакционных издержек. Кроме того, в таких группах распространены формы расчетов, которые позволяют уходить от уплаты налогов, такие как бартерные схемы, расчеты через «фирмы-однодневки», а также расчеты «черным налом», за которые, как правило, предоставляют дополнительные скидки.

Функционирование деловых сетей основано на постоянных взаимных услугах. Фактически это – негласные, неписанные договоры, которые отчасти отражаются в формальных договорах, дополняя их. Внедоговорные отношения выражаются, в частности, в виде оказания финансовой поддержки «для своих». Этика отношений позволяет широкий спектр неформальных услуг: скидки, задержки оплаты, кредиты под низкий процент, вето на использование иных кабальных условий, применение силы. Это прямо подтверждает гипотезу о наличии сформировавшейся этики внутрисетевых отношений. Показательно, что подобного сорта услуги оказываются адресно, исключительно на личном доверии, что, бесспорно, максимально сужает круг тех, кому готовы оказать такую помощь. На уровне взаимопомощи поведенческие практики аналогичны внутрисемейным связям экономики выживания. Деловая сеть дополняет формальные отношения межличностной системой взаимопомощи, сложившейся этикой и, как следствие, является источником информации, способом снижения рыночного риска и нестабильности. Повышенный уровень доверия между участниками сети, влияет на их деловую активность, формирует деловую этику.

Под деловой этикой мы понимаем свод неписанных правил, которые формально никак не закреплены, но практически регулируют экономические отношения и без которых, или при невыполнении которых, нарушаются экономические связи, разрастаются негативные экономические явления и, следовательно, создаются условия для роста негативных неформальных отношений.

По существу речь в данном случае идет об элементах гражданского общества, в котором наряду с экономическими отношениями, четко закрепленными в правовых нормах, должны действовать этические предпринимательские нормы, регулирующие взаимоотношения внутри предпринимательского сообщества – доверие, обязательность, верность слову, презрение и отвержение нарушителей предпринимательской этики и т.п. Именно в формировании гражданского общества на территории, основанного на нефор-

⁷ Есипов В.М. Теневая экономика. – М.: МВД РФ, 1997. – С. 16.

⁸ Яковлев А. Добро пожаловать в постпереходную экономику! // Вопросы экономики. – 2000. – № 2. – С. 137.

мальных организациях, внутри которых действуют принципы подобной вышестоящей деловой этике, большинство экономистов видят основное предназначение социального капитала, его скрытый смысл.

Но роль социальных сетей в переходной экономике России не ограничивается только формированием и последующим развитием предпринимательской активности, в конечном счете, ведущей или имеющей цель в создании деловой этики в предпринимательских кругах. Возможно, даже намного более важную роль в переходной экономике играют социальные сети взаимопомощи. Российская действительность не раз побуждала индивидов искать помощь в личных, неформальных социальных сетях взаимопомощи. Трудно сказать, когда сформировались эти сети, но можно точно быть уверенными, что они не были разрушены с крахом СССР. Также можно утверждать, что чем хуже будет экономическая ситуация в стране, тем более сплоченными станут внутригрупповые отношения. Тем не менее, «живучесть» этих социальных сетей, необходимых, чтобы выжить в обстановке бурных перемен, остается препятствием на пути экономических преобразований, тормозит развитие рыночной экономики.

Трудно представить себе, чтобы из этих неформальных объединений возникли некоммерческие общественные организации, призванные позаботиться об их членах, вынося какие-либо законопроекты на рассмотрение властей, как это происходит чаще всего в неформальных объединениях банкиров, представителей малого бизнеса, то есть в предпринимательских социальных сетях.

Следовательно, можно говорить о двух совершенно разных видах объединений граждан: о социальных сетях взаимопомощи и социальных сетях предпринимателей.

Следует отметить, что последнее время в России можно наблюдать значительный рост некоммерческих организаций, таких как Союз промышленников и предпринимателей, «За развитие предпринимательства», «Ассоциация менеджеров России» и т.п. Их концепции, представленные всеобщему вниманию, находят в ряде случаев поддержку в обществе. Эти организации объединяют общее стремление – восстановление и развитие экономики России.

Суммируя все вышесказанное, можно утверждать, что анализ роли социального капитала в формировании новых экономических и управленческих отношений на территории может привести к адекватным выводам только в том случае, если будет учитываться специфика условий переходного периода в конкретных территориальных образованиях, а также предыстория развития социального капитала в России.

Выводы

Во-первых, бессмысленно, а то и просто опасно принятие каких-либо значимых мер в экономической области, не учитывающих специфический характер социально-экономических предположений и ответных реакций хозяйствующих субъектов в регионах и муниципальных образованиях. Так, можно утверждать, что у нас имеет место серьезный концептуальный и коммуникационный конфликт. Правительство, руководствуясь классическими узкоэкономическими представлениями, посылает хозяйствующим субъектам макроэкономические сигналы (ставки налога и процента за кредит, уровень инфляции и др.), принимает решения о номинальных переменах в условиях хозяйствования.

Индивидами же на микроуровне, живущим на конкретной территории, вся хозяйственная жизнь интерпретируется иначе и побуждает к иным действиям. В этой связи было бы неверно говорить о нерациональной реакции хозяйствующих субъектов, хотя, безусловно, такой тип реакции также существует. Справедливее было бы рассматривать действия субъектов хозяйственной деятельности как вполне рациональную реакцию на ту гораздо более широкую и многообразную социально-

экономическую реальность, чем представляется в правительстве. Именно реагирование на реалии, отклоняющиеся от правовых норм, и формирует нынешние модели социально-экономической деятельности различных слоев и групп населения в регионах и муниципальных образованиях⁹.

Во-вторых, осложняется работа исследователя, стремящегося к выработке практических рекомендаций. Устоявшиеся политические и экономические категории теряют свою привычную четкость и определенность. Они уже не могут служить надежным инструментом анализа. За привычными категориями или определениями скрывается качественно иное содержание. Если этого не учитывать, можно прийти к ложным выводам. Экономическая реальность, которой нужно руководствоваться при принятии решений, какие именно реформы нужны России, для российских субъектов хозяйственной деятельности на отдельных территориях существенно отклоняется от формально действующих законоположений и представляет собой совокупность явлений, процессов и взаимосвязей, возникающих «автономно» от правового регулирования. Именно такая реальность и формирует побудительные мотивы и содержание деятельности хозяйствующих субъектов, нацеленных на экономическое развитие территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Newton K. Social Capital and Democracy, *American Behavioral Scientist*, 1997 Vol. 40, № 5 (March/April).
2. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. – М.: Наука. 1995.
3. Смешанное общество: российский вариант. – М.: Наука, 1999.
4. Есипов В.М. Теневая экономика. – М.: МВД РФ, 1997.
5. Яковлев А. Добро пожаловать в постпереходную экономику! // *Вопросы экономики*. – 2000. – №2.
6. Дискин И.Е. Экономическая трансформация и социальный капитал // *Проблемы прогнозирования*. – 1997. – №1.
7. Евдокимова-Динелло Н.П. Капитал и российские банкиры // *Социологические исследования*. – 2000. – №2.

Фейзба Марина Язбеевна

РЕЦЕНЗИЯ

Статья написана на актуальную тему. Думаю, автор бесспорно прав, когда утверждает, что исследования социального капитала в России во многом ориентированы на поиск источников или препятствий формирования адекватных существующему периоду развития экономики организационно-управленческих и экономических отношений. Особенно это важно для управления экономическим развитием регионов и муниципальных образований. Рыночные отношения кардинально изменили подход к пониманию данной проблемы.

Вместе с тем позиции исследователей по данному вопросу далеко не однозначны. Примечательно, что автор высказывает свою точку зрения на данную проблему. Но без знания и систематизации исторического опыта нашего государства невозможно строить общественное благополучие в стране.

По мнению автора статьи, огромную роль в период перехода экономики России к рыночным отношениям приобрел социальный капитал, сформированный в советской бюрократической системе. Автор уделяет этому первостепенное внимание. Прежние связи номенклатурных времен переросли в корпоративные интересы.

Считаю возможным допустить статью к опубликованию в изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации.

Лютлова И.И., д.э.н., профессор Национального института бизнеса

⁹ Дискин И.Е. Экономическая трансформация и социальный капитал // *Проблемы прогнозирования*. – 1997. – № 1. С. 11-12.

10.15. SOCIAL CAPITAL'S EFFECT ON FORMATION OF NEW ECONOMIC AND MANAGERIAL RELATIONS IN A TERRITORY

M. Feisba, Post-graduate student, Russian Academy of Public Administration Under the President of the Russian Federation

The author proceeds from the premise that studies of social capital in Russia are mainly oriented towards the search of either sources of or barriers to the formation of managerial relations that would be in tune with the current stage of economic development. The stumbling blocks along that path are defined as function of the absence or lack of development of those forms of social activity, cohesion and interaction, which are typical for developed democracies.

The article endeavors to analyze the history of the making of social capital and that of social networks in the soviet years and the years of transition. Today in the author's view there have taken root two different kinds of citizens' unions: social mutual relief networks and social networks of entrepreneurs.

The author concludes by asserting that meaningful economic decisions should necessarily take account of the specific nature of socio-economic notions and responsive reactions of economic entities in specific regions and municipalities. The important thing here is that the economic realities to be guided by in decision making are in stark contrast to the existing formal law, and are in effect a combination of phenomena, developments and interdependencies that occur «autonomously» of the existing legal system. It is these realities that are creating the incentives and lie behind the actions taken by economic entities in dealing with economic development of a territory.